

СТАЛИНСКИЕ ЭМИССАРЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИИ.

Несмотря на то, что официально первые посланники Москвы в Югославии стали действовать лишь со второй половины 1940 г., еще до начала Второй мировой войны в полицию Сербии¹ поступили сообщения о прибытии в Королевство первых эмиссаров далекого советского государства – нелегально заброшенных на территорию Сербии агентах ГПУ². Впрочем, советские спецслужбы куда чаще пользовались статусом белоэмигрантов для прикрытием своих агентов. Так, например, уже с начала 1930-х гг. на территории Югославии действовала агентурная группа Л.Л. Линицкого³. Л.Л. Линицкий, прибывший в Югославию с волной белоэмиграции в начале 1920-х гг., получил льготную возможность учиться в Белградском университете, как представитель русской эмиграции, пользовавшейся особой помощью и поддержкой Королевства СХС и лично короля Александра Карагеоргиевича. По окончании Белградского университета в 1931 г. Леонид Леонидович начал сотрудничество с ИНО ОГПУ. Обстоятельства, при которых это сотрудничество было начато, описаны в опубликованных материалах достаточно противоречиво. С одной стороны Линицкий, согласно «Очеркам по истории внешней разведки» имел опыт сотрудничества с разведотделом 13-армии⁴. С другой стороны, в СССР, в Киеве проживала мать Л. Линицкого, супруга офицера императорской армии ротмистра Л. Линицкого – отца будущего разведчика. В 1930-е гг. мать Л. Линицкого была уволена с работы, и осталась без средств к существованию. По данным того же сборника, Линицкому было обещано позаботится о его матери, и тем не менее, ОГПУ это обещание выполнять не спешило. Как бы то ни было, задачи, которые ставились перед Линицким и образовавшейся вокруг него группой, сводились в первую очередь к разведывательно-диверсионной деятельности против русской эмиграции в Югославии, в высшие круги которой благодаря своему врачебному искусству и сумел инфильтрироваться Линицкий. В конце концов его группа была раскрыта, арестована и частично выслана из Югославии в 1935-1937 гг., причем приговоры были исключительно мягкими, именно благодаря тому, что не удалось доказать существование антигосударственного

оттенка в деятельности Линецкого. Интересно, что в 1941 г. родной брат любовницы Леонида Линецкого Н.Г. Дараган пытался организовать подпольную группу и был арестован гестапо⁵.

Потенциальные объекты для вербовки представители советских спецслужб находили не только среди истосковавшихся по Родине и испытывавших определенные материальные затруднения белоэмигрантов, но и среди местного населения, в особенности среди добровольцев, прошедших горнило гражданской войны в Испании, где советские инструкторы занимались обучением опытных диверсантов⁶. Один из таких югославских бойцов интербригад Д. Милоевич был арестован гестапо и дал, перед тем как был расстрелян, подробное описание вербовки и деятельности небольшой группы агентов ГПУ, руководимой Ч. Поповичем и Р. Уваличем⁷. Необходимо отметить, что и деятельность, о которой сообщил Милоевич в кабинете немецкого следователя, не имела антигосударственного характера, основным направлением деятельности его группы была подготовка к противодействию возможной немецко-итальянской оккупации.

В течение полугода накануне начала Великой Отечественной войны активность советских государственных учреждений в Королевстве Югославии была наиболее интенсивной. Дипломатические отношения на уровне миссий были установлены 24 июня 1940 г. и были официально прерваны со стороны СССР 8 мая 1941 г., однако реальная деятельность Полномочного представительства СССР в Югославии длилась куда меньше.

Полномочным представителем СССР в Королевстве Югославии был - Виктор Андреевич Плотников, советником – Виктор Захарович Лебедев, военным атташе – Александр Георгиевич Самохин, помощником атташе – Петр Михайлович Коваленко. Интересны судьбы этих людей, ставшими на короткое время олицетворением советского государства на сербской земле.

Александр Георгиевич Самохин родился на хуторе Верхне-Бузиловка Области Войска Донского 20 августа 1902 г. В годы Гражданской войны Александр Георгиевич всей душой был на стороне красных и уже 4 мая 1919 г. вступил в РККА, активно поучаствовав в боевых действиях на Восточном фронте. Способный и выдержанный паренек решил сделать своей судьбой военную карьеру: с 1923 г. по 1931 г. он был командиром батальона, в 1920 г. вступил в РКП(б). Александр Георгиевич неуклонно стремился совершенствовать свой образовательный уровень: в 1921 г. окончил Пензенские пулеметные командные курсы, а в 1923 г. – Киевскую объединённую военную школу имени Л.Б. Каменева (по другим данным – Казанскую высшую военную школу им. Л.Б.

Каменева), с мая 1931 г. по май 1934 г. учился на основном факультете Военной Академии имени М.В. Фрунзе. По окончании Военной Академии, Самохин перешел на штабную работу – стал сначала начальником оперативного отделения Штаба стрелковой дивизии, а потом и начальником Штаба стрелковой дивизии. Высокообразованный офицер привлек внимание начальства и после этого жизненный путь Самохина внезапно изменился – в 1937 г. он был переведен со штабной работы и назначен начальником Орджоникидзевского пехотного училища, а в 1939 г. – заместителем начальника Главного управления военно-учебных заведений РККА.

В августе 1940 г. Александр Георгиевич был повышен до своего следующего звания – генерал-майора и назначен военным атташе при Полномочном представительстве СССР в Югославии. Для создания целостного образа необходимо очертить судьбу генерала и после возвращения из Югославии весной 1941 г.

Практически сразу же Самохину доверили не менее ответственное и политически щекотливое задание – он был назначен командиром 29-го Литовского стрелкового корпуса (Прибалтийский особый военный округ – Северо-Западный фронт), не только находившегося на острие предполагаемого удара, но и имевшего исключительно сложный район действий и этнический состав. В сентябре 1941 г. генерал-майор Самохин был назначен заместителем командующего 16-й армией Западного фронта по тылу, а это, учитывая интенсивность продвижения немецких войск на восток, в то время была вовсе не тыловая должность, которая предполагала не только сложный комплекс мероприятий по обеспечению войск всем необходимым в экстремальных условиях экстренного отступления, но и ряд вполне понятных сопутствующих действий, связанных с активным действием немецких диверсантов и их пособников. В декабре Самохина снова повышают и назначают начальником II-го отдела III-го управления Генерального Штаба, а вскоре и начальником II-го управления (информационного) Главного разведывательного управления Генерального Штаба РККА⁸. Страна переживала тяжелые дни, и армии были необходимы способные и грамотные офицеры, поэтому Самохина назначили командующим 48-й армией Брянского фронта.

Сразу же после назначения 21 апреля 1942 г. назначения на новую должность Александр Георгиевич вылетел в Елец, но летчик сбился с маршрута и перелетел линию фронта, где и был сбит над расположением немцев. Самохин попал в плен, причем в руки немцев попали и важные секретные документы, имевшие большое значение: оперативной карта и директивы Ставки. Несмотря

на столь печальные обстоятельства пленения, не внушавшие никакого оптимизма в случае возвращения на Родину генерал-майор Самохин, в отличие от известного командующего 2-й ударной Волховского фронта, отказался сотрудничать с немецкими вербовщиками, сколачивавшими РОА⁹. В начале мая 1945 г. Самохин, вместе с рядом других содержавшихся вместе с ним пленных советских военачальников был освобожден американскими войсками, эвакуированными видных пленников во Францию. Оттуда 26 мая 1945 г. Самохина вместе с товарищами по плену вывезли в Москву.

В ходе расследования были выявлены перелет на сторону врага и утеря важных документов, что имело однозначное толкование в то радикальное время, и поэтому 21 октября 1945 г. Александр Георгиевич был арестован и осуждён к 25-ти годам лишения свободы. Вскоре после смерти Сталина 15 августа 1953 г. Самохин был реабилитирован и освобождён. Вышедший на свободу Александр Георгиевич сразу же решил... продолжить образование, и в 1953/1954 г. стал слушателем Высших академических курсов при Военной Академии Генерального Штаба. Однако военная карьера генерала оказалась законченной, несмотря на отмену приговора. В 1954 г. генерал-майор Самохин получил утешительный орден Ленина, был уволен в запас и получил место старшего преподавателя общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ. Сильные переживания нестарого и полного сил генерала тяжело отразились на его здоровье. Летом 1955 г. (точнее 17 июля) Александр Георгиевич скончался¹⁰.

Не менее сложной была и судьба самого полпреда Виктора Андреевича Плотникова¹¹. Виктор Андреевич родился 26 октября 1898 г. в городе Астрахани. Вскоре отец умер и мать Виктора Андреевича решила переехать в Москву, к чему у нее было несколько причин – она была модисткой и в Москве найти работу было легче, малярийный климат тогдашней Астрахани не способствовал здоровью маленького Вити. В 1917 г. в Москве Виктор Плотников окончил гимназию и поступил в Московский коммерческий институт. Но 1917 г. в России выдался удобным для всего, но только не для учебы, да еще в Коммерческом институте. Воздух был пропитан революцией, все друзья молодого Виктора из студенческой и рабочей среды тянулись к революции и по рекомендации Председателя Казачьего Отдела ВЦИК Л.А. Коробова Плотников вступил в Агитотряд «Защита прав трудового казачества крестьян и рабочих», а в феврале 1918 года и в ВКП(б). В качестве члена агитотряда, действуя по заданиям Казачьего Комитета (позднее Казачьего отдела ВЦИК), Плотников занимался политработой в военных частях и казачьих областях в 1918-1921 гг. В 1921 г. был

командирован ВЦИК в качестве Уполномоченного Сибревкома для организации и участия в полярной экспедиции на полуостров Ямал.

По возвращению из экспедиции Виктор Плотников поступил на экономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии. По окончании учебы в 1926 г. Виктор Андреевич работал до 1930 г. в системе рыбацкой, а потом сельскохозяйственной кредитной кооперации в Москве, на Каспийском и Аральском море, в Туркмении. После ликвидации оргцентров сельскохозяйственной кооперации Плотникова перевели на ответственную работу в Московскую контрольную комиссию – Рабоче-крестьянской инспекции по линии сельского хозяйства области и назначили заместителем руководителя сельскохозяйственной группы МКК-РКИ.

Из РКИ Виктора Андреевича перевели в систему Народного Комиссариата Внешней Торговли. В 1932-1934 гг. Плотников работал заведующий Отделом Второэкспорта в Персии. В 1935-1936 гг. Плотников был заместителем директора по экспорту Урумчинской конторы «Совсиньторга» в Китае. Необходимо напомнить, что тогдашний Синцзян был местом крайне непростым. С начала 1934 г. на его территории находилась группа войск Красной Армии, усиленная танками, авиацией и артиллерии, прибывшая по просьбе китайского наместника провинции Шен-Ши-Цай, для борьбы против дунганской (состоящей из местных китайцев-мусульман) армии братьев Ма, «ориентировавшихся на Японию и стремившихся создать в регионе великое дунганское государство Северо-Запада»¹². Ситуация была столь сложной, что советские подразделения были «замаскированы» под белых, командиры Красной Армии носили погоны, а все звезды с обмундирования были удалены. В последствии лидер провинции Шен-Ши-Цай был принят в ВКП(б), а сам Синцзян СССР был бы рад назвать Восточно-Туркестанской республикой, однако с началом Великой отечественной войны затея провалилась.¹³

В конце 1936 г. Плотников возвращается в Москву. Однако после непродолжительного пребывания в Москве (первая половина 1937 г.) на должности директора экспортной конторы Всесоюзного объединения «Международная книга», Виктора Андреевич вновь отбывает «за кордон» - решением ЦК ВКП(б) № 54/83 от 28/IX-37 Плотников в качестве Первого секретаря полпредства СССР направлен в Будапешт для исполнения обязанностей поверенного в делах СССР в Венгрии. Хортистская Венгрия предвоенного времени была для советских представителей исключительно сложной страной, приближавшейся по ориентирам своей внутренней и внешней политике к гитлеровской Германии: а во многом ее и обгонявшей. Например, именно в Венгрии был принят первый в

XX в. антисемитский закон Numerus clausus, дополненный в 1938 и 1939 годах еще рядом законов, претворение в жизнь которых закончилось истреблением 600 000 из 800 000 венгерских евреев. В конце тридцатых годов Венгрия как верный союзник Германии поучаствовала в разделе Чехословакии и по результатам первого Венского арбитража аннексировала 15 марта 1939 г. часть Словакии и Закарпатскую Украину, (общая площадь 11927 км², с населением свыше 1 млн. чел.)

В марте 1939 г. Виктор Андреевич Плотников был переведен на другой, не менее напряженный участок работы, вызывавший пристальное внимание СССР: с марта по сентябрь 1939 г. Плотников значился советником полпредства СССР в Финляндии. Плотников покинул Хельсинки незадолго до начала советско-финской войны, начавшейся, как известно 30 ноября 1939 г.

Когда внешняя политика СССР по отношению к Финляндии была готова перейти в «горячую» фазу Плотников отбыл в соседнюю Норвегию, которая в то время не была спокойным и богатым нейтральным государством, а кипела от политических страстей, подогреваемых правыми. Норвегия находилась на грани войны с СССР, на ее территории находились вербовочные комитеты, она посылала добровольцев и помогала переброске оружия в соседнюю Финляндию. Тем не менее, прямого конфликта дело так и не дошло: в марте 1940 г. советско-финская война закончилась, а уже в апреле того же года гитлеровские войска, вторгшиеся в Норвегию, захватили ее столицу Осло. Поэтому 15 июня 1940 г. в связи с оккупацией Норвегии немецкими войсками дипломатические отношения СССР с Норвегией были прекращены.

Согласно «Журналу записи лиц, принятых И.В. Сталиным» 19 июня 1940 г. Виктора Андреевича Плотникова принял лично Сталин, разговаривавший перед этим с Молотовым, причем получасовой разговор Сталина с Плотниковым проходил в присутствии самого Молотова¹⁴. ТАСС 25 июня 1940 г. сообщил «Об установлении дипломатических отношений между СССР и Югославией» («Известия» № 145 (7217) от 26 июня 1940 г)¹⁵.

Директивная телеграмма Молотова Плотникову от 17 октября 1940 г. дает возможность понять (или хотя бы с большой долей уверенности) предположить, какие указания давал Сталин своему полпреду, уезжавшему в Белград¹⁶. Этим директивам вкратце были следующими: не становится открыто на сторону сторонников итало-германской или англо-американской ориентации; поддерживать политическую и экономическую независимость Югославии (вплоть до продажи оружия на обычных коммерческих условиях), и в то же время полностью опровергать слухи о попытках СССР проводить по отношению к Юго-

славии политики панславизма или советизации; избегать вмешательства в проводимые Германией политические и экономические мероприятия.

Эти устремления в целом соответствовали общей, с первого взгляда, двойственной¹⁷, но на самом деле исключительно целостной внешнеполитической программе СССР того времени. Готовится к неизбежной войне с Германией, стараясь максимально оттянуть момент нападения последней на Советский Союз, для чего с одной стороны постараться не допустить дополнительного внешнеполитического усиления Германии, а с другой стороны не раздражать ее, проводя по отношению к ней политику дружественного нейтралитета.

Дальнейшие события в Югославии не позволили осуществиться надеждам СССР на сохранение нейтральности Югославии. Учитывая то, что все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к пакту Берлин-Рим-Токио, Югославия 25 марта 1941 г. была вынуждена подписать пакт. Этот документ не только гарантировал ей «от германской стороны твердое заверение насчет сохранения нейтралитета»¹⁸, но и отличался исключительной мягкостью¹⁹. При подписании Гитлер обратил внимание югославских представителей на близкие отношения между Москвой и Берлином²⁰. Однако лидеры Великобритании, зная о том, что возможная военная «помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае — только символической»²¹, организовали (или по крайней мере поддержали) с помощью представителей своих секретных служб военный путч в Югославии, сопровождавшийся массовыми беспорядками²². «Когда всеобщее возбуждение улеглось, все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи»²³.

Трудно сказать, явился ли военный путч генералов-англофилов, сопровождаемый массовыми беспорядками, погромами и убийствами немцев, для СССР полной неожиданностью.

По крайней мере местные коммунисты (в то время последовательные проводники всех идей Москвы, тщательно колебавшиеся вслед за генеральной линией ВКП(б)) вспоминали обо обратном, свидетельство тому – мемуары Светозара Вукмановича-Темпо и Милована Джиласа²⁴. По их сведениям, Сербский республиканский комитет КПЮ 27 марта 1941 г. издал прокламацию, направленную против Великобритании, в которой в частности было заявлено, что лучшая гарантия против нападения немецких империалистов – подписание пакта о взаимопомощи с СССР. Тито 29 марта 1941 г. осудил англофилов и провокаторов, участвовавших в сожжении немецкого флага и погроме Немецкого туристического бюро.

В 1941 г. КПЮ не смогло осмелиться самостоятельно выдвинуть лозунг о советско-югославском договоре, без санкции свыше, поэтому понятно, что мнение СССР было выражено еще до путча, как ответ на возможное подписание пакта Югославии и Германии²⁵. В условиях возможного подписания Югославией пакта с Германией СССР очевидно стремился подписанием договора между СССР и Югославией выровнять международное положение и стабилизировать ситуацию. Однако в случае нападения государств антикоминтерновского пакта на Югославию, советско-югославский договор мог превратиться не в гарантию нейтральности, а в объявление войны Германии.

Фактически, ситуация в чем-то напоминала вступление России в Первую мировую войну, в которую ее также втянули, используя очередную авантюру балканских политиков, раньше намеченного срока окончания модернизации армии. Однако руководство СССР имело куда больше реализма (или, если угодно, цинизма) чем Николай II и его окружение.

СССР не дал втянуть себя в войну раньше времени, причем в войну, в которую СССР бы заведомо вступил как нарушитель договора с Германией, а также потенциальный источник «панславизма и коммунизма»²⁶. Кремль не подписал договор с обреченной Югославией, помочь которой, после совершенного её же собственными генералами смертельной ошибки, уже в любом случае никто был не в силах: ни окопавшиеся в Греции англичане, спровоцировавшие путч, чтобы оттянуть часть немецких сил на борьбу с Югославией, ни далекий СССР, помощь из которого просто не успела бы поступить. Внес ли в эту оценку Сталиным югославской армии свою лепту генерал-майор Самохин? Кто знает, однако фактом остается то, что Самохина по возвращению в СССР продолжил свой карьерный рост, который прервала лишь случайная ошибка летчика, сломавшая Александру Георгиевичу жизнь.

А вот для Виктора Андреевича Плотникова последствия весны 1940 г. были не столь радужны. По-видимому, оценки общественно-политической ситуации, которые Плотников передавал в Москву, а также его роль во влиянии на властные элиты Югославии, были оценены НКВД без особого энтузиазма. Югославия не смогла остаться нейтральной, в чем важную роль сыграли левые (но не коммунистические) партии Югославии²⁷, с которыми, судя, по телеграмме Молотова, вел переговоры Плотников (Молотов в ответ рекомендовал ему придерживаться равновесия).

В любом случае, фактом остается то, что заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов обратился 13 августа 1941 г. к секретарю ЦК ВКП(б) с просьбой отозвать в распоряжение Центрального Комитета ВКП(б) «Плотнико-

ва Виктора Андреевича, использовать которого на работе в системе НКВД в настоящее время не представляется возможным.» На документ была наложена лаконичная резолюция – «Тов. Плотников направлен работать в Наркомлес. 26.VIII.1941.»²⁸

Это было концом блестящей карьеры. Плотникова, успевшего в свои сорок с небольшим побывать на важных и ответственных участках внешнеполитической работы, послали в тихую гавань на место начальника сельскохозяйственного отдела в министерство Лесной промышленности. О том, что лес в словосочетании Наркомлес был настоящим, свидетельствуют и семейные воспоминания его сына Валерия, сообщившего автору статьи о том, что его мать Елена Орлова познакомилась с Виктором Андреевичем в 1949 г., будучи подчиненной Виктора Андреевича в одном из отделов в Министерстве лесной промышленности. В 1950(1951?) г. Виктор Андреевич Плотников заболел туберкулезом, от которого в 1958 г. и умер.

Кроме фигуры полпреда и военного атташе, внимания заслуживают и люди, которые выполняли функцию их помощников. Помощником А.Г. Самохина работал Петр Михайлович Коваленко. Петр Михайлович родился 1 сентября 1913 г. и был представителем первого поколения веселой и полной энтузиазма советской молодежи тридцатых годов. Коваленко родился в городе Энгельс Саратовской области и поэтому, несмотря на то, что сам был русским, в совершенстве владел немецким языком. По окончании техникума, в 22 года Петр Коваленко вступил в ряды РККА и окончил военное танковое училище, после чего в 1939-1940 гг. участвовал в советско-финской войне, где проявил должное мужество и был награжден орденом Красной Звезды (1939 г.).

Осенью 1940 г. молодого офицера назначают на должность помощника военного атташе советского полпредства в Югославии. После начала бомбардировок Белграда гитлеровской авиацией 6 апреля 1941 г. работники советского посольства на караване автомашин попытались покинуть Белград. Коваленко находился за рулем машины советского военного атташе и проявил высокие навыки водительского мастерства и выдержки, ведя машину по крутым горным дорогам исключительно низкого качества²⁹. В годы войны Петр Михайлович был награжден еще одним орденом Красной Звезды (1943 г.).

В конце 1943 г. майор Коваленко был включен в военную миссию СССР при Национальном комитете освобождения Югославии во главе с генерал-лейтенантом Н.В. Корнеевым и назначен помощником начальника военной миссии СССР. Весной 1944 г. в связи с планировавшимся приближением армии СССР к границам Югославии, началось наступление партизанских частей из

Боснии, Герцеговины, Далмации, Славонии и Черногории на Сербию, которая еще осенью 1941 г. была очищена немцами и четниками от партизан и с тех пор удерживала свои границы, при участии Сербской государственной стражи Милана Недича, Сербского добровольческого корпуса Дмитрия Лютича, Югославской армии на Родине Драголюбa Михайловича и частей Русского охранного корпуса³⁰.

Для организации и помощи в планировании этого наступления на места были посланы офицеры штаба и советской военной миссии. Майор Коваленко был направлен в Черногорию, войсками которой командовал генерал Пеко Дапчевич. По территории, занятой противником, Коваленко прошел около 500 километров и благополучно прибыл в штаб 2-го Пролетарского корпуса. Вскоре этот корпус из Черногории стал пробиваться к югославско-румынской границе навстречу наступающей Советской Армии. Преодолевая реки, горы и сопротивление противника, части прошли на северо-восток более 400 километров. Коваленко не отсиживался в штабах, а участвовал в организации и проведении разведывательно-диверсионных операций в тылу противника, в том числе длительные одиночные рейды. Особенно упорные бои, в которых П.М. Коваленко принимал непосредственное участие, велись при форсировании реки Ибар и за горы Копаоник. Вместе с бойцами партизанского генерала П. Дапчевича майор Коваленко вышел в назначенный район и принял участие в Белградской операции, проводившейся Красной Армией совместно с югославскими партизанами. За проявленное при выполнении особых заданий на территории Югославии мужество майор Коваленко 24 августа 1944 г. получил звание Героя СССР, а также был награжден югославским орденом «Партизанская звезда» 1-й степени³¹. После войны Петр Михайлович закончил Военную бронетанковую академию, однако здоровье оказалось подорванным тяжелыми военными годами. В 1958 г. в звании подполковника П. М. Коваленко уволился из рядов ВС СССР. Петр Михайлович умер в возрасте всего 47 лет 15 июня 1960 г. в Москве.

Еще одной крайне интересной фигурой в составе советского полпредства был Виктор Захарович Лебедев, подробности жизни которого мы можем восстановить наименее отчетливо, но чья фигура привлекала наибольшее количество споров³². Пристальное внимание на В.З. Лебедева впервые обратили немцы, спутавшие его с русским эмигрантом, Владимиром Александровичем Лебедевым, активным деятелем просоветской эмигрантской организации «Союз советских патриотов», по профессии врачом. Виктор Захарович Лебедев (1900-1968) в отличие от последнего занимался дипломатической деятельно-

стью. Он окончил Рязанский педагогический институт (1922) и Московский университет (1925). В 1929-1940 гг. по официальным данным он числился доцентом, заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Всесоюзной академии пищевой промышленности имени И.В. Сталина. В 1940 г. был переведен в Наркомат иностранных дел (НКВД) СССР и назначен советником полпредства в Югославии. На этой должности в марте 1941 г. (после отъезда в Москву посла В.А. Плотникова) он известил МИД СССР о произошедшем военном путче, а затем попытался наладить контакты с генералом Душаном Симовичем. На оккупированных территориях бывшей Югославии витали слухи о том, что якобы именно он является настоящим руководителем коммунистического движения сопротивления в Югославии осенью 1941 г. Подобные теории на сегодняшний день невозможно доказать или опровергнуть. Существуют лишь официальные заявления СССР военного времени, которые не могут быть названы достаточно доказательными, согласно которым Виктор Захарович до 1943 г. находился на аппаратной работе в НКВД, непосредственно в Москве. Лишь с 30 ноября 1943 г. Виктор Захарович вновь появляется на виду, и его появление с тех пор можно документально подтвердить: Лебедев становится послом при находящихся в изгнании союзных правительствах Бельгии и Норвегии. С 5 января 1945 г. – Виктор Захарович Лебедев стал советским послом в Польской республике, которую в то время встраивали в социалистический лагерь под руководством СССР. С весны 1951 г. Виктор Захарович Лебедев занимал должность посланника, а потом и посла СССР в Финляндии. В 1958 г. Лебедев вернулся в Москву, и в течение пяти лет с 1960 до 1965 гг. руководил Высшей дипломатической школой Министерства иностранных дел СССР. В 1965 г. он вышел в отставку. Скончался В.З. Лебедев в 1968 г.³³. Хотя фигура Лебедева до 1943 г. и окутана тайной, не найдено неопровержимых доказательств, подтверждающих подозрения исследователей о двойном адресе работодателей Лебедева в Москве.

Остается открытым вопрос, какой руководящий сотрудник советского полпредства, писавший донесения на имя Начальника Разведупра Красной Армии, скрывался за псевдонимом «Софокл». Тот самый «Софокл», вращавшийся в деловых и дипломатических кругах, поддерживавший контакты с политическим бомондом югославского общества и опрометчиво написавший 4 апреля 1941 г.: «Стоило только Югославии занять решительную позицию, как вместо традиционных немедленных действий, немцы седьмые сутки стоят в зверином рычании, а дивизий на границе не прибавляется»³⁴.

Неоспоримо, что два из четырех ведущих чиновников советского полпредства в 1941 г., хотя бы на протяжении части своей жизни открыто были связан-

ны с военной разведкой (Самохин позднее занимал должность начальника II-го управления (информационного) ГРУ ГШ РККА, а Коваленко активно участвовал в разработке, организации и проведении разведывательно-диверсионных операций в тылу противника в 1944 г. в рядах частей П. Дапчевича). Служба Плотникова в различных горячих точках 1930-40-х гг. также выглядит подозрительно. Вызывает сомнения и окутанный тайной В. Лебедев?!

О порядках, царивших за стенами советского посольства, ярко свидетельствует случай выпускника Белградской русско-сербской гимназии Евгения (Жени) Буйницкого.

В начале 1941 г. на улице в центре Белграда хорошо одетый человек попросил его на чистом русском языке помочь сделать покупку в магазине, сославшись на плохое знание сербского языка. Как потом выяснилось, это был сотрудник советского посольства, который завязал с ним разговор и пригласил прокатиться на машине. В то время машины не были банальным средством транспорта, а служили символом высокого социального статуса, техническим чудом, привлекавшим внимание молодежи. Женя сел в машину, позднее на долго задержался в гараже, рассматривая железное чудо техники. В дальнейшем Евгений Буйницкий использовался в качестве курьера для передачи русским эмигрантам и сербским офицерам неких запечатанных конвертов, которые сотрудники представительства желали переслать без привлечения внимания почты и прочих ненужных свидетелей. Женя заметил, что в здании представительства регулярно проводились тренировки по стрельбе из бесшумного револьвера (вероятно стоявший на вооружении оперативных работников прибор братьев Митиных «БраМит» в модификации с револьвером Нагана, бывший в то время последним словом советской спецтехники³⁵) и странной борьбе (вероятно т.н. «боевое самбо»³⁶), похожей на джиу-джицу (предшественника дзюдо). Буйницкий сообщил и о том, что посольство имело детальную картотеку русских организаций, действовавших в Югославии, и даже поименный список русских эмигрантов³⁷.

В заключение надо отметить, что современным историкам мало известно о деятельности спецслужб советского государства, действовавших в 1941 г. в Югославии³⁸. Успех в разведке означает анонимность. В 1941 г. агенты гестапо и сербской Специальной полиции безуспешно ловили ушедших в подполье Ф.Е. Махина³⁹, его помощника В.А. Лауданского⁴⁰, неуловимого В. Лебедева⁴¹, а также ряд других известных и неизвестных им советских разведчиков.

---

1 ИАБ, ф. BdS, д. G-169.

2 В методологических целях стоит разделять представителей партийных (Коминтерн и его спецслужбы - в лице Отдела международных связей и Спецотдела) и государственных (НКВД и государственные спецслужбы

ОГПУ, НКВД) институтов. Первые несомненно имели своих представителей в СХС-Югославии чуть ли не с момента основания государства, вторые (деятельность которых в Югославии и стала темой данной статьи) обратили пристальное внимание на Югославию лишь в тридцатых годах, в связи с очевидным изменением внешне и внутривосточной обстановки.

3 См. подробнее: Ермаков Н.А. Неповторимый путь Л. Л. Линицкого // Очерки истории российской внешней разведки. Т.3: 1933-1941 годы. М., 1997.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ ИАБ, ф. ВdS, д. D-275.

⁶ Например: И. Хариш, позднее руководитель диверсионного отделения ГШ партизанских отрядов Хорватии. См. подробнее: Старинов И.Г. Записки диверсанта. М., 1997.

⁷ ИАБ, ф. УГБ СП IV, д. 127. Л.33-41.

⁸ О структуре Главного разведывательного управления Генерального Штаба см. подробнее: ГРУ, КГБ и другие. М., 1999, а также Кочик В.Я. Советская военная разведка: структура и кадры // Свободная мысль, 1998, № 5-8.

⁹ В качестве заметки на полях, стоит обратить внимание читателя на описание судьбы военнопленных генералов, среди которых упоминается и Самохин, в известном художественно-публицистическом романе: Гагарин С.С. Мясной Бор. М., 1991. С.538.

¹⁰ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ: дела и люди. СПб-М., 2002. С. 295-296.

¹¹ Автор приносит искреннюю благодарность сыну Виктора Андреевича Плотникова - Валерию Викторовичу Орлову, за предоставленную им информацию и документы о судьбе первого советского полпреда в Югославии Виктора Плотникова.

¹² Очерки истории российской внешней разведки. Т.3: 1933-1941 г. М., 1997. С.217.

¹³ См. подробнее: Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918-1941 г. Барнаул, 1998; Он же. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг., Барнаул, 1999; Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927-1933) // Советская внешняя политика 1917-1945. Поиски новых подходов. М., 1992; Полюнин Ф.П. Выполняя интернациональный долг // В небе Китая. 1937-1940, М., 1986; Linda Benson. The Ili Rebellion. The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang 1944-1949, London, 1990.

¹⁴ 1941 год / Россия. XX век. Документы, в 2-х кн., М., 1998. Кн. 1. С.15.

¹⁵ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Том IV (1935 – июнь 1941 г.), М., 1946, С. 514.

¹⁶ 1941 год / Россия. XX век. Документы, в 2-х кн., М., 1998. Кн. 1. С.310-311.

¹⁷ Эту тему двойственности политики СССР в 1940-1941 гг. по отношению к Королевству Югославии достаточно давно разрабатывает в своих трудах Л.Я.Гибианский. См. одну из его последних статей в на эту тему в сборнике «Двести лет новой сербской государственности» (СПб, 2005.).

¹⁸ Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С.328

¹⁹ Югославия не должна была помогать Германии и Италии вооруженными силами, пропускать по своей территории их вооруженные силы для ведения боевых действий в третьих странах, Германия гарантировала территориальный суверенитет Югославии и обещала принять «во внимание интересы Югославии в отношении выхода в Эгейское море, что может быть осуществлено признанием ее суверенных прав на город и порт Салоники». Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936-1941). М., 1969. С.241.

²⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн.2. С. 76.

²¹ Там же.

²² Факт участия Секретной службы Великобритании в путче 27 марта 1941 г. давно не вызывает сомнения у отечественных историков. См.: Смирнова Н.Д. Указ. соч. С.242.

²³ Черчилль У. Указ соч. Кн.2., С. 84.

²⁴ Đilas M. Memories of a Revolutionary, New York, 1973, s.369-373. Vukmanović-Tempo S. Revolucija koja teče. Memoari., KnjI, s.156.

²⁵ Vujošević U. Prepiska (radiogrami) СК КПЈ - ИККИ / Vojnoistorijski glasnik, 1/3, 1992. Профессор Вуёшевич обратила свое внимание на документы с июня 1940 по декабрь 1941.

²⁶ Вспомним еще раз телеграмму Молотова Плотникову.

²⁷ О путче 27 марта 1941 г. и роли в нем левых партий см исм.: Slijerčević Đ. Jugoslavija uoči i za vreme Drugog svetskog rata, Minhen, 1978 С.220-251.

²⁸ Фотокопия этого документа из личного дела В.А.Плотникова находится в семейном архиве Валерия Викторовича Орлова.

²⁹ Румянцев. Н.М. «Люди легендарного подвига». Саратов. 1968 г.

³⁰ О жизни Недичевской Сербии см. детально: Slijerčević Đoko, Jugoslavija uoči i za vreme Drugog svetskog rata, Minhen, 1978; Карапанчић Боривоје, Грађански рат у Србији 1941-1945, Београд, 1993.

³¹ Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т.1. М., 1987.

³² Об этих спорах см.: Јовановић М. О једном неспоразуму у нашој науци или ко је био В.Лебедев? // Зборник филозофског факултета. Серија А: Историјске науке. Књ.ХVIII.

³³ Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Дипломатический словарь. М., 1984.

---

³⁴ 1941 год / Россия. XX век. Документы в 2-х кн., М., 1998. Кн. 1, С. 572, 736; Кн. 2, С.24.

³⁵ См. подробнее: Ардашев А.Н., Федосеев С.Л. Оружие специальное, необычное, экзотическое. Иллюстрированный справочник. М., 2003, С. 20-30.

³⁶ См. подробнее: Волков В.П. Курс самозащиты без оружия «самбо» учебное пособие для школ НКВД. М., 1940.

³⁷ ИАБ, ф.ВдS, д. В-76.

³⁸ Единственное поминание об этих сюжетах в книге П.А.Судоплатова полно намеков и недосказанностей: Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996, С.136-137.

³⁹ ИАБ, ф. УГБ СП IV, д.127/6. В дальнейшем стал военным советником в штабе Тито. Умер при невыясненных обстоятельствах в 1945.

⁴⁰ ИАБ, ф. УГБ СП IV, д.11/16 СП.IV-11/59.

⁴¹ ИАБ, ф. УГБ СП IV, д.127/6.